

— В уезде все знают, что единственный сын помощника уездного начальника выглядит первокрасиво. Хотя он мужчина, он красивее многих парней. Но у него скверный нрав: как увидит красивого парня, так тут же тащит к себе. И через несколько дней того возвращают со сломанными ногами или руками. Самым несчастным парням и вовсе жизнь заканчивалась...

Слушая слова Лю Яоцина, старик Лю чувствовал, как сердце его всё больше сжимается. Он достал трубку, насыпал в неё табака, зажёг её с помощью огнива и начал медленно курить.

Пот на лбу Лю Цюаньфу перестал течь. Он усмехнулся:

— Цин-гэр, ты, наверное, навел неверные справки. Я-то слышал, что сын чиновника очень добрый, и любит парней, и жалеет их.

— Дядя, скажи, о каком сыне чиновника ты говоришь? — медленно произнёс Лю Яоцин. — Я всё навел справки. Другие чиновники не ищут парней, только дом помощника уездного начальника ходит из дома в дом, ищет, а потом забирает и ломает ноги и руки... Дядя, ты не хочешь ли выдать меня за такого человека, чтобы получить за меня кучу серебра?

— Дедушка, я пойду к себе в комнату.

Лю Яоцин даже не взглянул на Лю Цюаньфу и вышел, не дав ему остановить себя.

— Все заходите! — велел старик Лю.

Лю Цюаньфу вытер пот со лба и вошёл в комнату, за ним последовал Лю Цюаньцзинь. Младшая Ли-ши поспешно подбежала к двери, не пуская Ли-ши внутрь. Лю Яоцин сразу же позвал Ли-ши обратно, не обращая внимания на тех, кто был в главной комнате.

В комнате старик Лю сокрушался: хорошая свадьба, вероятно, сорвётся. Он хотел, чтобы семья Лю процветала.

— Говори.

— Отец, я думаю, Цин-гэр, наверное, хочет быть с Чжэцзы, и всё это он выдумал, — Лю Цюаньфу сам начал верить в свои слова. — Я всё хорошо выяснил в уезде. Как я могу навредить своему племяннику? Кроме того, в наших краях никогда не слышали, чтобы мужчины специально ломали ноги и руки. Даже если бы он хотел, деревенские не позволили бы. Я думаю, Цин-гэр просто стал слишком смелым и выдумал всё это, чтобы сорвать нашу хорошую свадьбу и выйти замуж за Чжэцзы.

— Третий, скажи пару слов, — старик Лю не стал отвечать Лю Цюаньфу и повернулся к Лю Цюаньцзиню.

Последние дни Лю Цюаньцзинь был полон разочарования. Его ребёнок не только не слушался, но и убежал с женщиной. Если об этом узнают в деревне, куда он денет своё лицо?

Думая об этом, Лю Цюаньцзинь разозлился и сказал:

— Слишком смелый. Нужно как следует отшлёпать, посмотрим, посмеет ли он ещё.

— Только не калечь, примерно будет. А если не выйдет, я позову односельчан поглядеть. Ты при всех отшлепаешь Цин-гэра, пусть все знают, что он провинился, тогда и характер исправится, — Лю Цюаньфу улыбнулся, придумав этот план.

— Угу, — Лю Цюаньцзинь счёл это вполне разумным и действительно собирался так поступить.

Свой ребёнок — что хочешь, то и делай, всё для его же блага.

Обсудив всё, старик Лю тоже решил, что Лю Яоцин солгал. Этот мальчик слишком смелый, его нужно проучить. Лю Цюаньцзинь почувствовал себя как будто с мечом в руках, даже считая, что вся деревня должна признать, что он правильно воспитывает ребёнка. Ведь всё это для его же блага.

Хотя на самом деле это было для его собственного лица.

В комнате, наблюдая за выражением лица Лю Цюаньцзиня во дворе, Ли-ши поспешно сказала:

— Цин-гэр, ты скорее спрячься. Твой отец в этот раз по-настоящему разозлился, будет тебя бить.

За воротами была куча соломы, и Лю Цюаньцзинь нашёл там толстую ветку. Тем временем Лю Цюаньфу выбежал и начал кричать:

— Народ! Идите скорей помогать уговорить Цин-гэра! В голову ударилось, вздумал перечесть старшим в доме. Эх, ничего иного не остаётся...

Большинство семей только что позавтракали и ещё не вышли в поле. Услышав крики Лю Цюаньфу, любопытные и желающие помочь начали собираться, и вскоре двор был полон людей.

Лю Цюаньцзинь вытащил Лю Яоцина за руку и приказал ему снять штаны, чтобы наказать.

— Дядя Цин-гэра нашёл ему жениха, единственного сына помощника уездного начальника. Тот молодой господин любит мучить парней, несколько парней уже вернули со сломанными ногами и руками.

Люди ещё не начали говорить, Лю Цюаньфу всё ещё обдумывал, что сказать, чтобы все в деревне помогли следить за Лю Яоцином и не дали ему сбежать.

Но тут раздался чёткий и ясный голос.

Люди удивились и посмотрели на Лю Цюаньфу.

— Зачем бить Цин-гэра? Не хотите ли заранее сломать ему ноги?

— Кто? Что там болтает?! — Лю Цюаньфу потер подбородок, с натянутой улыбкой направился туда, откуда донёсся голос, и бормотал:

— Кто пускает ложные слухи? Узнаю — рот порву.

Лю Яоцина толкнули, и он упал на землю. Оглянувшись на Лю Цюаньцзиня, он увидел, что тот словно окаменел, не слыша голоса, полностью погружённый в мысли о своём брате и отце.

Тихо вздохнув, Лю Яоцин громко крикнул в сторону главной комнаты:

— Дедушка, я даю тебе лицо, а ты его не ценишь. Теперь, когда лицо будет потеряно, не вините никого, кроме себя.

Ранее Лю Яоцин вернулся в комнату, чтобы дать старику Лю возможность поговорить с Лю Цюаньфу и Лю Цюаньцзинем наедине, надеясь, что всё уладится, и больше никто не будет вспоминать об этом. Но старик Лю не захотел отпускать эту хорошую свадьбу, продолжая верить в свои выдумки.

Это как если бы собака ела грязь, но не признавала этого, утверждая, что ест золото.

В комнате сердце старика Лю снова ёкнуло, но остановить всё было уже поздно. Наблюдая за его выражением лица, Ли-ши поспешно спустилась с каня и подошла к двери, где увидела, как из толпы вылез маленький нищий.

— Я из уезда, мне это дело как свои пять пальцев известно, — маленький нищий ловко отскочил в сторону и затараторил:

— В уезде все знают. В каждом доме, где есть парни, их отправляют в чужие места прятать, либо срочно обручают. Как же у вас в деревне нашёлся такой, что хочет выдать парня за него?

— Эх, не боитесь, что односельчане в спину плевать будут?

— Я, хоть и нищий маленький, а совесть имею. Сегодня я всем ясно растолкую, чтобы больше никто не обманывался.

Маленький нищий говорил быстро и чётко.

Лицо Лю Цюаньфу потемнело. Хотя он и не говорил об этом открыто, но несколько близких друзей знали, особенно когда Лю Яоцин сбежал, и он искал его, прося помощи.

А младшая Ли-ши, которая и вовсе не умела хранить секреты, после того как Лю Яоцин её проучил, выздоровев, снова стала хвастаться. Она не говорила прямо, но её намёки позволяли другим догадываться.

— Думаю, этого ребёнка бить не стоит.

Увидев, что Лю Цюаньцзинь продолжает держать Лю Яоцина, кто-то заговорил.

После первого голоса другие начали высказывать свои мнения.

— Мы не можем в родство с такими чиновниками вступать, это всё равно что ребёнка на смерть отправить.

— Ребёнка, которого растили, не жалея сил, отправлять на муки — так не бывает.

— Старик Лю дома? Выходи, скажи слово.

— Цюаньцзинь, бросай палку, отпусти Цин-гэра в комнату. Что за разговоры?

— Детишки, марш по домам, это вас не касается!

Старшие стали выгонять детей и уговаривать Лю Цюаньцзиня отпустить Лю Яоцина.

Все понимали, что в семье есть разногласия. Хотя старик Лю был хорошим человеком, он слишком сильно благоволил своим детям, и в таких семейных делах другим не стоило вмешиваться. Ведь в каждой семье есть свои сложности.

Но выдавать парня замуж за чиновника, который может его погубить, — это уже слишком. Если это станет известно, молодые люди в деревне не смогут найти себе жён или мужей, а молодые девушки и парни не смогут выйти замуж за хороших людей.

Репутация — это важно. Хотя она и не влияет на еду и одежду, но если не найти подходящего партнёра, это может стать проблемой на всю жизнь.

Главным среди говоривших был Лю Даню, которому было около сорока лет. В деревне он был уважаемым человеком и близким другом старика Лю, и на этот раз он хотел помочь.

<http://bllate.org/book/16688/1531721>